

Библиотечные Преступники

Так называется небольшой сборник статей, вышедший в Харькове в 1924 году тиражом 5000 экземпляров. Он состоит из трех статей и предисловия. Статья В. Штейна «Библиотечные преступники» дала название всему сборнику. Затем идет статья профессора А. Белецкого «Надпись: вающие на полях книги» и статья профессора М. Алексеева «Гибель книг». В статьях этих приводятся немало интересных, порой просто поразительных фактов. Мы приводим их, выстроив по хронологии.

История книги учит нас, что массовое уничтожение ее никогда не прекращались: известия об этом от глубокой древности идут вплоть до наших дней. Вавилонский царь Набонессар, если верить ассирийскому историку, в 747 году до Р. Хр. приказал уничтожить все скрижали, на которых была написана история его страны. Войска Цезаря сожгли Александрийскую библиотеку. В 406 г. брошены в огонь книги Сивил. В XI веке по повелению шведского короля Олая были брошены в огонь рунические книги. В 1508 г. при взятии Гренады великий испанский инквизитор Хименес бросил в огонь 5000 коранов. В 1510 году Максимилиан предписал сжигать все еврейские книги, кроме Библии. Римляне сжигали книги и евреев; и христиан, христиане истребляли античную литературу; крестоносцы уничтожали драгоценные собрания Востока, испанцы жгли и топили арабскую письменность; английские пуритане уничтожили много монастырских книжных собраний, и даже Кромвель сжег библиотеку Оксфордского университета.

... Есть у нас факты и из русской жизни. В декабре 1888 г. в Уральске было предано сожжению 1445 книг, которыми три дня топили печи местного хозяйственного управления. В числе сожженных книг были: Спенсер, Милль и полные комплекты «Отечественных записок», «Современника», «Дела» и др. Это постыдное дело было оформлено актом за подписью трех лиц.

Обычай пользоваться книгой в качестве упаковочного материала известен уже в глубокой древности. В 1854 году в египетской пустыне на груди одной из мумий найден комок папируса; это были стихи Алкмана, одного из знаменитых поэтов древности, произведения которого почти целиком утрачены для нас. Быть ли благодарным неизвестному гробовщику? Если бы ему не пришлось в голову воспользоваться поэтическими произведениями Алкмана в качестве нагрудника для мумии, быть может, время не сохранило бы для нас и это вдохновение античного поэта. В XIV веке один итальянский ученый, играя в волан, заметил, что его ракетка отделана античным пергаментом: он прочитал на ней отрывок из утраченного сочинения римского историка Тита Ливия. Ученый тотчас же побежал к мастеру ракет и узнал, что все остальные части рукописи также пошли на отделку ракет и потому бесследно исчезли. В Российской Публичной библиотеке хранится книга XIV века, приобретенная в одной из деревень Мезенского уезда Астраханской губернии; некоторые листы ее имеют следы употребления их при наклеивании обоев на стены. В 1869 году одному русскому академику были присланы из Финляндии

166 оборванных и полуобгорелых листов: оказалось, что это были остатки 48 древних русских книг, среди которых были книги XI и XII веков; большинство из них в течение многих лет служили переплетами и обертками финляндских деловых бумаг, закладками и ярлыками. По-видимому, они были унесены шведами из новгородских книгохранилищ.

По смерти известного русского ученого И. П. Сахарова книги и остатки его бумаг были проданы на вес на петербургский толкучий рынок: удалось спасти только очень немногое, - в частности, жалкие остатки его богатейшей коллекции снимков и рукописей. Столь же печальна была судьба книг и бумаг дру-

гого русского книголюбца, одного из первых русских библиографов - В. Г. Анастасевича. После его смерти вся его драгоценная библиотека и оставшиеся манускрипты были завязаны в кули и в ожидании наследников свалены в какой-то сарай. Целых двадцать лет пролежали они здесь в сырости и гнили, пока, наконец, полиция не решила их продать с публичного торга. Никто из литераторов не был извещен об аукционе, и явились одни маклаки и маляры, которым была нужна бумага под обои. Они-то и купили «кули» по 30 копеек за фунд. Уже когда все было продано, об аукционе узнал библиотечный Публичной библиотеки Ивановский. Он бросился к малярам, но было поздно - значительнейшая часть купленного уже пошла в дело. С большими усилиями Ивановскому удалось спасти кое-что. И можно себе представить ужас его, когда в одном спасенном куле (а поступило в продажу много десятков) оказалось несколько экземпляров редчайшей кни-

ги Розенкампа о Кормчей Книге, много старинных латинских и иных сочинений, а главное - огромное количество библиографических карточек с чрезвычайно ценными заметками Анастасевича и обширная переписка его с современ-

ными литераторами.

Некто Пассионен, ревизуя швейцарские монастыри в XVIII веке, произвел в их библиотеках грандиозные хищения. В тех местах, где за ним особенно следили, Пассионен предпринимал якобы научное изыскание, требовавшее продолжительных занятий. Для этого он просил, чтобы его заперли в библиотеке, из окон которой он выбрасывал особенно редкие книги и рукописи своим подручным, расставленным в подходящих местах. Изощрившись сам в проделках этого рода, он не допускал знатоков близко к составленному им драгоценному собранию.

Бывают случаи, когда в основе «книговредительства» лежат и мотивы высшего, идейного порядка. Нам, например, известна такая, произошедшая еще до революции не совсем обыкновенная история. В одной библиотеке был кем-то когда-то составлен довольно значительный отдел черносотенной погромной литературы в стиле шмаковских «Еврейских речей». Долгое время этот отдел стоял без всякого внимания со стороны читателей, но затем он неожиданно превратился в самый любимый, в наиболее часто спрашиваемый. Только много времени спустя были установлены истинные причины, повывисшие спрос на эти книги. Оказалось, что все книги из этого отдела, сохранившие свои переплеты и мрачные заголовки, каким-то чудом переменяли свое истинное содержание. Под каждым переплетом были обнаружены совершенно не отвечающие значащимся на них названиям книги из каталога запрещенных изданий или, как они раньше назывались, «произведений подпольной литературы». Кто был истинным вдохновителем и исполнителем этого «преступления»: революционный ли кружок, действовавший в районе библиотеки; или кто-либо из библиотечного персонала, так и не удалось установить.

В Испании был повешен один книжный торговец, который убил счастливого обладателя редчайшей книги, известной лишь в одном экземпляре: все улики были налицо, убийство с целью грабежа доказано. Впрочем, убийца и не заперся. Он прямо сказал, что ценил научные сокровища больше всего на свете; что, убивая людей, действовал только для спасения драгоценностей. Для себя он не просил никакой пощады, а повторял только мольбу о сохранении в прежнем составе его книжного собрания. Перед окончательным приговором во время прений сторон обнаружилось, что существует и второй экземпляр этой книги. Подсудимый, сохранявший до того времени полное спокойствие, внезапно начал безудержно рыдать. Когда же председатель выразил свою радость по поводу того, что в преступнике, наконец, заговорила совесть, он поспешил заметить, что его горе глубже и что причина его слез - обнаружение второго экземпляра этой редчайшей книги.

В 1909 году московскому окружному суду пришлось иметь дело с неким «потомственным почетным гражданином» М. П. Козновым, вначале усердно работавшим над изучением гравюр в Московском Румянцевском музее, а затем так же усердно занявшимся их хищением с целью продажи и поддержания своего упавшего состояния (всего

Козновым было похищено гравюр на сумму свыше 10000 руб.) Интересно отметить, что суд не только оправдал Кознова, но и оставил без удовлетворения предъявленный музеем иск.

Страшным врагом книжных коллекций библиотек, особенно библиотек крупных, хранящих ценные и редкие издания, является вор-профессионал. Он ловок, знает все обычаи и правила библиотеки не хуже самих библиотекарей, хорошо осведомлен о недостатках техники по выдаче и хранению книг и не

останавливается ни перед какими препятствиями. В недавнем еще прошлом в одной из крупнейших наших библиотек была открыта целая организация, действовавшая под руководством опытного и знающего «книголюбца». Нужна была та или иная книга, ее трудно или невозможно было почему-либо достать, шли к нему с просьбой выручить. Благожелательный «книголюб», если разыскиваемой книги у него не было, справлялся по особой своей тетрадке, в какой библиотеке ее можно достать (в тетрадке и цифры библиотечные для удобства были проставлены), и посылал агента «подстрелить», как выражались, нужную книгу.

Следует признать весьма удачным опыт борьбы с вредительством, проведенный в Екатеринославе и повторенный затем в Ленинграде. В целях создания отрицательного отношения масс к порче книг были собраны испорченные книги из библиотек, уложены в гробы, пронесены так по городу и похоронены затем на центральной площади. Во время похорон был устроен многолюдный митинг, на котором пропагандировалась книга и необходимость борьбы с книговредительством, пришедшем похороненные книги в могилу,

Подготовил А. ЛЕЙФЕР.

Рис. Виктора Резниченко.

P.S. О многом не написали авторы этого скромного сборничка. Об одном знали, но, видимо, не смели сказать. О другом же не знали и знать не могли, т.к. просто не наступило еще время, когда вечное издевательство над книгой продолжилось в новых формах.

Гибель сотен, если не тысяч, библиотек в дворянских усадьбах во время гражданской войны.

Или указание Надежды Константиновны Крупской об изъятии из библиотек сочинений всех философов - от Платона до Толстого.

Спецхран. Книжные костры в фашистской Германии.

Да что там Германия! Фактов преступлений перед одним из величайших достижений человеческого разума - книгой - предостаточно и в родных омских палестинах. Но об этом как-нибудь в другой раз.